

Исследован правовой институт ограничения дееспособности гражданина. Проведен анализ таких оснований ограничения дееспособности гражданина, как зависимости в отношении спиртных напитков, наркотических средств, азартных игр. Охарактеризованы правовые, медицинские и этические аспекты правового института ограничения дееспособности гражданина. Раскрыты степени выраженности зависимостей – допустимость, злоупотребление, патология и их юридическое значение в отношении ограничения дееспособности гражданина. Представлены качественные характеристики факторов, закладываемых в юридические основания ограничения дееспособности гражданина. Предложены пути совершенствования данного правового института в отношении: понятийного аппарата, содержания сделокспособности, разграничения правового регулирования между гражданским и семейным правом, расширения сфер применения правового института. Определен социально-культурный контекст зависимостей в отношении спиртных напитков, наркотических средств, азартных игр через представления о человеческих пороках, реализации воспитательной функции права и применение юридических санкций.

Ключевые слова: ограничение дееспособности гражданина; семья; злоупотребление; пристрастие; воля; психическое расстройство; этика; сделокспособность.

Ирина Анатольевна Калинина, канд. юрид. наук, доцент,
кафедра «Гражданское право и процесс»,
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет»,
Тамбов, Россия;
ia-kalinina@mail.ru

ОГРАНИЧЕНИЕ ДЕЕСПОСОБНОСТИ ГРАЖДАНИНА ПРИ НАЛИЧИИ АДДИКЦИЙ

Введение

Согласно ГК РФ, физическое лицо является участником гражданских правоотношений, а его, собственно, участие в них определяется правосубъектностью. Такова терминология юридической науки и цивилистики, а также положений закона. Но в другой – реальной плоскости – мы имеем дело с человеком-субъектом, обладающим специфическими биологическими характеристиками, природными потребностями и социальным опытом, сплавом чего выступает личность с ее особой индивидуальной психосоматикой, которая и определяет включенность человека в социальную реальность, его паттерны поведения и приоритеты в организации личного пространства и удовлетворения личных потребностей.

«Альфой» и «омегой» здесь выступает головной мозг и нервная система человека, а их определение поведения человека детерминируется биологией, наследственными и эпигенетическими факторами, а также огромным количеством иных источников влияния (уровнем правосознания и правовой культуры, страхом перед юридической ответственностью, семейным положением, наличием детей, религиозными и моральными взглядами, имущественной обеспеченностью и т.п.). Но несмотря на большое количество образующих поведение человека факторов, главенствующая роль отводится таким теоретическим конструктам, как «личность» и «воля». Именно представление о «личности» в «человеке» определяет признание его в качестве разумного, автономного субъекта, который, вступая в общественные отношения, реализует свою свободу и волю, самостоятельность и инициативность, личную мотивацию и гражданскую позицию. А в сфере гражданских правоотношений – реализует свои экономические и правовые цели.

В праве в целом и в гражданском праве в частности получили закрепления правоположения о человеке как участнике общественных отношений и правоотношений. В контексте направленности поведения человека правоположения транслируют норму поведения (законность, правомерность поведения) и содержат запреты и санкции при отклонениях от нормы (противозаконное, неправомерное поведение) – здесь речь о регулятивных правовых нормах и об охранительных правовых нормах. В гражданском праве это находит выражение в правовых нормах об убытках, гражданско-правовой ответственности и т.п. Именно в этом и назначение права как социального регулятора – устанавливать границы дозволенного поведения и реагировать на выходы человека за его пределы. Право терпимо или, даже, индифферентно относится к поступкам, которые осуждаемы другими социальными регуляторами (религия, мораль) и обществом: одиночество и отсутствие семьи, праздный образ жизни и половая распущенность, эскапизм и пр. Право не призвано полностью определять личное бытие человека; каждый человек имеет собственное социальное пространство и по-своему его наполняет и организует.

Но такая «свобода» и «проявления» этой свободы могут непосредственно сказываться на положении, в том числе имущественном, других лиц – членов семьи, детей и родителей, о которых необходимо заботиться, да и на самом человеке, «некорректно» проявляющем свою свободу. Поэтому право считается с особенностями психосоматики человека. Правоположения о человеке закрепляют не только нормы, правила и границы поведения человека, но и учитывают возможное негативное влияние психологической структуры личности на обладание им самим и его близкими благами, которые доступны при «норме» поведения. В контексте психологической структуры личности, определяющей индивидуально и социально значимое поведение – это норма психической организации личности и патология (расстройство) поведения. Учет правом психологических особенностей личности осуществляется в целях установления правовых гарантий личных и имущественных прав человека, а также механизмов, которые компенсируют отсутствие в поведении человека «нормы» поведения. В гражданском праве такие гарантии и механизмы

представлены в правовом институте ограничения дееспособности гражданина (*далее* – ОДГ).

Ограничение дееспособности гражданина выступает правовым институтом, определяющим объем дееспособности физического лица в отношении реализации им своих прав как участника гражданских (имущественных) отношений, как субъекта, реализующего свои экономические и правовые цели в сделках (сделкоспособность). Определение этого объема здесь сводится к ограничению физического лица распоряжаться своими доходами и имуществом. Соответственно, ОДГ определяется набором фактических обстоятельств и юридических фактов, в совокупности достаточных для того, чтобы на законных основаниях блокировать в конкретных ситуациях его свободную реализацию прав и интересов в гражданско-правовом поле. И для того, чтобы ОДГ было легитимно в законе и законно, – на практике, необходимо всестороннее рассмотрение и изучение оснований ОДГ.

Статья 30 ГК РФ закрепляет основания ОДГ. В качестве таковых выступает наличие зависимостей от азартных игр, спиртных напитков и наркотических средств (*далее* – аддикция, аддикции, пагубные зависимости), а также последствия этой зависимости – тяжелое материальное положение своей семьи. ОДГ осуществляется также в отношении лиц с психическими расстройствами. В настоящем исследовании обратим внимание на пагубные зависимости.

Методы

Исследование проводится посредством изучения оснований ОДГ, установленных законом в отношении аддикций. В данных целях осуществляется обращение к гражданскому и иному отраслевому законодательству и знаниям в сфере психиатрии и психологии. Сопоставляется законодательство и позиция ВС РФ в отношении ОДГ.

Результаты

Следует формулировку п. 1 ст. 30 ГК РФ «свою семью» изложить так: «свою семью и себя». Тогда будет понятно, что закон обеспечивает благосостояние и качество жизни не только членов его семьи, но семьи, включая и его самого. Важно рассмотреть вопрос о внесении в СК РФ положений об ОДГ, поскольку в действующем подходе законодателя правовой институт ОДГ направлен на обеспечение интересов семьи, что относится к исключительному предмету правового регулирования семейного законодательства.

Необходимо в ГК РФ более четко определить объем дееспособности гражданина, ограниченного в дееспособности при наличии у него аддикций, в отношении его правомочий по приобретению и отчуждению имущества и доходов, в том числе в случаях совокупного применения п.п. 1 и 2 ст. 30 ГК РФ.

Считаем важным изучение вопроса с последующей его реализацией в гражданском законодательстве о возможности ОДГ, когда аддикции нарушают имущественные права и интересы кредиторов такого гражданина

(например, обязательства по исполнительным листам о взыскании алиментов, ущерба жизни и здоровью от ДТП, морального вреда; ипотека жилья). Это имеет отношение к ситуациям, когда у гражданина есть семья, так и тогда, когда она отсутствует.

ГК РФ следует отказаться в отношении наркотических средств от понятия «злоупотребление», заменив его понятием «употребление» наркотических средств. Поддерживаем этический подтекст правовых норм об ОДГ.

Обсуждение

Правовой институт ОДГ (расточительство) не является чем-то новым в России. Его истоки можно усмотреть еще в Российской империи, применялся он и в советский период; представлен и в зарубежных правовых порядках [10, 11].

Правовой институт ОДГ при наличии аддикций юридически – произведен от правового института дееспособности физического лица, а фактически – от биологических и социальных факторов, определяющих сознание человека и определяемых им же.

Объем дееспособности сводится к совершению мелких бытовых сделок. Тем самым ГК РФ ставит в одну плоскость (приравнивает) социальные и экономические компетенции человека с уровнем сознания несовершеннолетних лиц в возрасте от шести до четырнадцати лет (малолетних). При этом сопоставление формулировок п. 1 ст. 30 ГК РФ и пп. 2 п. 2 ст. 28 ГК РФ не позволяет судить о возможности совершения лицом, ограниченным в дееспособности, сделок, направленных «на безвозмездное получение выгоды, не требующих нотариального удостоверения либо государственной регистрации». При этом в отношении малолетних устанавливается опекуновство, а в отношении лиц, ограниченных в дееспособности, – попечительство. Сделки, совершенные таким гражданином с выходом за пределы своего объема дееспособности, могут быть признаны недействительными (ст. 176 ГК РФ).

На практике не исключены случаи, когда у гражданина имеются пагубные пристрастия, которые ставят его семью в тяжелое материальное положение, но в момент решения вопроса об ОДГ по п. 1 ст. 30 ГК РФ судом устанавливается факт наличия психического расстройства (п. 2 ст. 30 ГК РФ). Сравнение сделкоспособности по п.п. 1 и 2 ст. 30 ГК РФ позволяет сделать вывод, что ее объем у лица с психическим расстройством существенно больше. В этой ситуации возникает вопрос, каким образом суд будет решать вопрос об объеме дееспособности: с приоритетом на тяжелое материальное положение семьи (п. 1) или с приоритетом на медицинский критерий – психическое расстройство (п. 2)?

Рассмотрение дела в суде осуществляется по правилам гл. 31 ГПК РФ. К участию в деле привлекаются прокурор, органы опеки и попечительства. Анализируется медицинская документация, факты обращения к соответствующим врачам, в полицию. В судебных тяжбах по ОДГ необходимо доказать наличие причинно-следственной связи между аддикцией и тяжелым материальным положением семьи, особо проблематично это в отно-

шении пристрастия к азартным играм. Тяжелое материальное положение семьи является оценочным критерием и определяется в каждом конкретном случае самостоятельно с учетом обстоятельств дела. В условиях наличия аддикции и неустановления ее влияния на материальное положение семьи гражданин не будет судом ограничен в дееспособности. При вынесении решения суды учитывают обоснованность вмешательства в личную жизнь гражданина соразмерно преследуемой законной цели и сохранению прав, предусмотренных ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (решение Видновского городского суда Московской области от 06.02.2018 г. по делу № 2-314/2018). Поэтому пристрастие к азартным играм, злоупотребление спиртными напитками и наркотическими средствами, тяжелое материальное положение семьи должны в конкретном деле носить исключительный характер, при этом судом также анализируются и возможные последствия для социальной жизни, здоровья, имущественных и иных интересов участников спора.

Если основания для ОДГ отпали, то суд отменяет такое ограничение. При этом ст. 30 ГК РФ не указывает на то, кто именно может подать такое заявление в суд на отмену ОДГ и, соответственно, попечительства. Из этого следует, что не только заинтересованные лица, но и сам гражданин может обратиться в суд. При этом в суде необходимо будет доказать и обосновать факты прекращения пагубного влияния данных патологических аддикций на имущественные права и интересы семьи.

1. Правовые и медицинские аспекты ОДГ

Злоупотребление спиртными напитками, наркотическими средствами

ВС РФ определяет, что п. 1 ст. 30 ГК РФ не требует признания именно «хронического» характера «алкоголизма» или «наркомании» (п. 18 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»). ГК РФ использует термин «злоупотребление», что прямо не определяет вообще наличие патологической зависимости от алкоголя и наркотических средств. В проекте заключения Комитета Государственной Думы по проекту Федерального закона № 345445-4 по ст. 30 ГК РФ прописано: «Установление факта злоупотребления спиртными напитками или наркотическими средствами осуществляется на основании соответствующего медицинского заключения и исследования судом доказательств, подтверждающих обстоятельства чрезмерного и систематического злоупотребления гражданином спиртными напитками или наркотическими средствами». Некоторые ученые усматривают в понятии «злоупотребление» в отношении ст. 30 ГК РФ указание на систематичность употребления [6, с. 67]. Соответственно, ОДГ возможно как при наличии патологической зависимости, так и при ее отсутствии. Важен сам факт злоупотребления и то, что оно стало причиной тяжелого материального положения семьи.

Если имеется патологическая зависимость, то речь будет идти и о наличии психических расстройств [8, с. 127–138], тогда дополнительно будет применяться и основание ОДГ, предусмотренное в п. 2 ст. 30 ГК РФ.

МКБ-11 данные зависимости от алкоголя и наркотических средств объединяет в общем классе: «Психические, поведенческие расстройства и расстройства нейропсихического развития» – «Расстройства вследствие употребления психоактивных веществ или аддиктивного поведения»: наркотическая зависимость (МКБ-11: 6С41, 6С42, 6С43, 6С44, 6С45, 6С46, 6С47, 6С48, 6С49, 6С4А, 6С4В, 6С4С, 6С4D, 6С4Е, 6С4F, 6С4G, 6С4Н, 6А41, 6С4У, 6С4Z); «алкогольная зависимость» (6С40.2).

Соответственно, основанием ОДГ может выступить не только алкогольная зависимость, но и «бытовое пьянство». Признаками бытового пьянства выступают: «отсутствие психологической зависимости от алкогольных напитков; периодическое употребление спиртных напитков не нарушает социальное функционирование индивида; отсутствуют личностные деформации; алкогольному опьянению сопутствуют эйфорическое настроение, повышенная разговорчивость, ускорение потока мыслей и речи, снижение функций внимания, прогностических и аналитических функций мышления...» [8, с. 127–128].

Если исходить из того, что алкоголь и наркотические средства относятся к психоактивным веществам и являются частыми атрибутами праздного образа жизни, в том числе половой распущенности, то возможно предположить, что здесь речь идет не сколько о психических расстройствах, а скорее о расточительстве на праздный образ жизни в противовес своей социальной (семейной) функции и правовым обязанностям. Но какие бы обстоятельства не были (зависимость собственно от алкоголя и наркотических средств или иное) следует утверждать неспособность человека адекватно оценивать свое поведение и его последствия, руководить своими поступками, неспособность человека отказать себе в употреблении алкоголя или наркотиков, что и приводит семью в тяжелое материальное положение.

Статья 30 ГК РФ в качестве оснований ОДГ определяет «злоупотребление» спиртными напитками, наркотическими средствами. Представляется обоснованной критика закона в отношении «некорректности» использования термина «злоупотребление» [3, с. 132–133]. В отношении спиртных напитков разграничение умеренного потребления и злоупотребления будет осуществляться судом с учетом обстоятельств дела, то есть это разграничение объективно проблематично прописать в законе и разрешается на практике. В отношении наркотических средств – их употребление незаконно. Тогда как разграничить в отношении наркотических средств употребление и злоупотребление применительно к ОДГ? Обратим внимание, что употребление алкоголем не является противоправным поведением, иначе – за немедицинское употребление наркотических средств устанавливается юридическая ответственность (ст. 6.9 КоАП РФ). Поэтому считаем, что в ГК РФ следует понятие «злоупотребление» заменить на понятие «употребление» наркотических средств.

Пристрастие к азартным играм

Самостоятельным основанием ОДГ является пристрастие к азартным играм. Законопроект от 2006 г. № 345445-4 «О внесении изменения в статью 30 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» (снят

с рассмотрения) изначально определял формулировку «склонности к азартным играм». Но Правительство РФ в своем отзыве от 07.03.2007 № 839п-П4 не поддержало законопроект в отношении понятия «склонности», которое было воспринято, как «неопределенность» и «состояние», в противовес необходимости указания на действие.

«Пристрастие» к азартным играм (введено в качестве основания ОДГ с 2012 г. в ГК РФ, в гл. 31 ГПК РФ процессуальный порядок в отношении пристрастия к азартным играм прямо не установлен) не сформулировано ГК РФ в качестве психического расстройства. Факт закрепления «пристрастия» легально в отсутствие уточнений к психическим расстройствам (как то имеет место в отношении формулировки «вследствие психического расстройства» – п.п. 2 и 3 ст. 30 ГК РФ) влечет представление об отсутствии необходимости установления медицинского критерия такой зависимости. Однако ВС РФ однозначно определяет пристрастие к азартным играм как психологическую зависимость, характеристиками которой выступают: расстройство поведения, психического здоровья и самочувствия гражданина; труднопреодолимое влечение к игре, патологическое влечение к азартным играм, потеря игрового контроля, продолжительное участие в азартных играх вопреки наступлению неблагоприятных последствий для материального благосостояния членов его семьи (п. 18 ПП ВС РФ от 23.06.2015 № 25). Юристы обеспокоены, что на практике могут возникнуть проблемы с диагностированием такой зависимости, однако медицина в данном направлении весьма продвинулась [2, 12].

Расстройство вследствие пристрастия к азартным играм (патологический гэмблинг) (МКБ-11 6C50) «характеризуется поведенческим паттерном постоянного или периодически повторяющегося пристрастия к азартным играм, участие в которых может происходить как онлайн (с использованием Интернета), так и оффлайн (без использования Интернета)»; проявляется в следующем: нарушение контроля над участием в азартных играх; пристрастие к играм преобладает над другими жизненными интересами и повседневной деятельностью; продолжение или более активное участие в азартных играх, несмотря на возникновение негативных последствий.

Расстройство вследствие пристрастия к компьютерным играм (патологический гейминг) (МКБ-11 6C51) не предусмотрено в качестве основания ОДГ. Предполагаем, что это объясняется заточенностью ОДГ под обеспечение интересов семьи зависимого, а именно, когда гражданин имеет доход и тратит его в ущерб потребностям семьи. Однако и компьютерные игры сейчас требуют существенных финансовых вложений (покупка игры и компьютерной техники соответствующих характеристик, покупка моддингов (дополнений) и пр.). Тем не менее проблема кибернетической лудомании сейчас позиционируется как социальный вызов [5, 7, 9], нежели рассматривается в контексте имущественных последствий зависимости. Однако уже в ближайшем будущем она может заявить о себе в среде повзрослевших подростков, для которых привычным еще в юном возрасте стало проведение продолжительного времени в онлайн-играх. Сформировавшиеся паттерны поведения могут быть перенесены на азартные онлайн-игры.

Объект правовой охраны в ОДГ

Обращает на себя внимание объект правовой охраны, который мы осмысливаем через положения о семье в ст. 30 ГК РФ в контексте словосочетания «ставит свою семью в тяжелое материальное положение» и через правомочия попечителя в отношении имущества гражданина, ограниченного в дееспособности.

С одной стороны, речь идет об имущественном состоянии семьи, с другой – если исходить из направлений расходования средств попечителем («в интересах подопечного», п. 1 ст. 30 ГК РФ) – ОДГ устанавливается в пользу самого гражданина. В ст. 30 ГК РФ формулировка: «ставит *свою* семью». В п. 18 ПП ВС РФ № 25: «ставит *свою* семью», «в противоречии с интересами *его* семьи», «наличие у *других* членов семьи заработка или иных доходов», «данный гражданин обязан по закону содержать членов *своей* семьи... не оказывает *им* необходимой материальной помощи либо члены *его* семьи вынуждены полностью или частично его содержать».

Ограничение дееспособности гражданина не выступает мерой борьбы с данными пагубными зависимостями, а является значительным уменьшением гражданских возможностей гражданина для защиты имущественных интересов членов его семьи (решение Звенигородского городского суда Московской области от 11.10.2011 г. по делу № 2- 353 /2011). Вместе с тем в правовом институте ОДГ реализуется социальная и воспитательная функция права, а возможность его применения судом выступает в качестве сдерживающего фактора для граждан в отношении данных пагубных пристрастий. Кроме того, при применении судом ОДГ сдерживающим для пагубных пристрастий здесь будет и существенное сокращение расходов, которые лицо может совершить в отношении данных пристрастий. То есть сокращение денежных средств в распоряжении гражданина определит и уменьшение актов порчи им своего физического и морального здоровья.

Поэтому представляется, что правовая охрана распространяется и на само лицо, страдающего аддикциями и на его семью (оплата ипотечного кредита, оплата жилищно-коммунальных услуг, приобретение продуктов, бытовой химии, предметов обихода и т.п.). Обеспечивается право на жилье и благоприятные условия проживания, а в отношении детей – право на заботу родителей, право на совместное с ними проживание, на условия, благоприятные для их физического и психического здоровья и развития (гл. 11, 12 СК РФ). Таким образом, ГК РФ опекает семью в совокупности духовных, социальных, имущественных, жилищных и иных благ.

Право не охраняет противоправные интересы. И, возможно, поэтому ГК РФ и ВС РФ используют местоимения «его», «свою», «своей» в отношении семьи, родных и близких, тем самым давая моральную оценку и выражая свое осуждение к подобному пагубному поведению гражданина. Но в итоге ОДГ обеспечивает имущественные, да и личные интересы и самого гражданина, ведь «его» семья – это и он сам.

На основании этого считаем, что правовой институт ОДГ (п. 1 ст. 30 ГК РФ) подлежит закреплению в ГК РФ, но его собственно правовое регулирование следует перенести в СК РФ (по аналогии, как представлено

в отношении банкротства гражданина: ст. 25 ГК РФ и ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»). Выбор в пользу СК РФ очевиден в виду отстаиваемых в действующей редакции ст. 30 ГК РФ законодателем имущественных интересов именно семьи, а семейные вопросы – это предмет правового регулирования СК РФ, а не ГК РФ.

В отраслевом законодательстве может отличаться понятие «семьи», но в целом правовая сущность семьи как социальной ячейки интуитивно понятна. Считаем, что ОДГ распространяется и на случаи, когда речь идет о гражданине, обязанном платить алименты в пользу своего ребенка или других лиц, даже если они совместно не проживают.

Как быть в ситуации, если у гражданина нет семьи? Если гражданин одинок и ведет пагубный образ жизни – это его личный выбор. Если наличие рассматриваемых аддикций связано с диагностируемыми психическими расстройствами («Расстройства вследствие употребления психоактивных веществ или аддиктивного поведения», МКБ-11), то ОДГ возможно по п. 2 ст. 30 ГК РФ. И в этом уже будет реализовываться социальная функция государства.

Представляется возможным распространить правовой институт ОДГ на сферу охраны имущественных интересов не только семьи, но и иных лиц – кредиторов гражданина по отдельным видам обязательств, например, в отношении ипотечного жилищного кредитования, обязательствам личного характера и т.п.).

II. Этические аспекты ОДГ

Обратим внимание на акценты законодателя, зафиксированные в терминах оснований ОДГ. Крен в сторону этики и религии очень громок здесь в терминах ГК РФ. В отношении азартных игр – страсть («сильное, доминирующее над другими чувство человека»; эмоция, аффект, чувство; в христианстве – грех; в восточно-византийском богословии – греховные стремления души, заключающиеся в увлечении чем-либо вместо Бога); пристрастие (синонимы: сильная склонность, влечение). В отношении спиртных напитков и наркотических средств – зло (дурное, плохое, вредное; несправедливость, неправда, мерзость, вражда; дихотомия зла и добра в контексте существования Бога [1]; зло как грех [4]), злоупотребление (вино, грех, недостаток, преступление, ошибка).

Пристрастие к азартным играм и алкоголю, сопутствующий им праздный и распущенный образ жизни имеют долгую, яркую и, порой, весьма мрачную историю на протяжении веков. Они сопровождают человеческую культуру, а человек отражает их в хрониках и произведениях искусства, изобличая их коварность и опасность потворства им. В социально-культурном контексте это человеческие пороки.

Но как представлено выше, данные «человеческие пороки» для медицины – вопрос о возможном психическом расстройстве, а для права – основание для применения мер реагирования в целях обеспечения имущественных интересов семьи. Психические расстройства подлежат диагностированию, поддаются лечению и коррекции. Но важно не забывать про свободу человека и его сознательность в отношении себя и своих близких.

Удовлетворяя свои потребности и вступая в различные социальные коммуникации, человек реализует свою волю, которая проявляется в саморегуляции и самодетерминации им своего сознания в целом, и в частности – потребностей (здесь в контексте классификации потребностей человека по П. В. Симанову), ценностей и приоритетов, реализуемых в мыслях и в действиях, проходящих сквозь моральный выбор и физические усилия. Пристрастие к азартным играм, алкоголю и наркотическим средствам – следствие сознательного выбора и проявления свободы воли; зависимость здесь – лишь следствие социально безответственного поведения человека. В свою очередь, следствием этого выступают в гражданско-правовом поле соответствующие имущественные последствия. Воля является и для гражданского права базовым и исходным концептом.

Ограничение дееспособности гражданина не лишает и не ограничивает субъективное право, а связано «с защитой прав на исполнение материально-правовых обязательств в предусмотренных законом случаях» [10, с. 63]. Вместе с тем ОДГ позиционируется ГК РФ и судами как «гражданская санкция», устанавливаемая за злоупотребление гражданином правом на распоряжение собственными доходами в угоду алкогольной (наркотической) зависимости, пристрастие к азартным играм и в ущерб интересам семьи (решение Звенигородского городского суда Московской области от 11.10.2011 г. по делу № 2- 353 /2011). Из анализа установленного ГК РФ объема дееспособности гражданина с ОДГ (мелкие бытовые сделки) следует, что он практически полностью лишается возможности распоряжаться своими доходами, а его сделкоспособность, как раскрыто выше, сводится к уровню малолетних. То есть распоряжение в доходах устанавливается не только в отношении денежного снабжения пагубных пристрастий, но и оплаты большинства иных значимых потребностей гражданина. Закономерно возникают вопросы: не слишком ли суровы и карательны меры, реализуемы в ОДГ; насколько такая моральная и карательная мотивация правового института свойственна вообще для гражданского права с учетом его предмета правового регулирования и принципов?

Заключение

Анализ законодательства и судебной практики по ОДГ свидетельствует о том, что данный правовой институт ориентирован на обеспечение имущественных интересов семьи. ГК РФ прямо использует формулировку «материальное положение» применительно к семье. При этом для правового института ОДГ индифферентен психологический климат в семье, возможные и реальные угрозы психическому и физическому здоровью ее членов – это задачи других правовых институтов.

Цель ОДГ – улучшение материального положения семьи, усугубившегося в результате пагубных зависимостей гражданина; при этом психические расстройства могут и не диагностироваться. Но эта цель реализуется судом с учетом допустимых границ вмешательства в личную жизнь гражданина в контексте его естественных и имущественных прав.

Положения ГК РФ, СК РФ, ГПК РФ и разъяснения ВС РФ даже в своей совокупности не раскрывают в достаточной мере правовой институт

ОДГ. Как представлено выше, много возникает вопросов и в отношении терминологии, и в отношении субъектного состава и охраняемых правовых ценностей, и в отношении объема сделкоспособности и др. Считаем, что правовой институт ОДГ не обладает признаками ясности и определенности. Многие выводы о применении правовых норм об ОДГ можно было бы почерпнуть из судебной практики, но на официальных сайтах судов информация по данной категории дел скрыта. Вместе с тем судебная практика не подменяет правовые нормы, а применяет их. Поэтому так важно именно наличие в самом законе четких и конкретных правоположений, в данном случае – в отношении ОДГ.

Психиатрия и психология имеют долгий и успешный путь развития. Последние десятилетия характеризуются получением колоссальных научных данных о биологии человека и работе его головного мозга. Поэтому в отношении диагностики, лечения и коррекции психических расстройств, предоставления необходимых данных для суда достаточно научных и практических достижений для обеспечения работоспособности и эффективности правового института ОДГ. Теперь дело за законом.

Список литературы

1. **Гаспаров И. Г.** Зло и атеизм: онтологические и этические предпосылки аргументов от зла // *Философский журнал*. 2020. Т. 13, № 1. С. 53 – 68.
2. **Даренский И. Д., Акопян В. С.** Болезненное пристрастие к азартным играм // *Наркология*. 2006. Т. 5, № 5(53). С. 54 – 57.
3. **Дарчиева Л. В.** Основания ограничения дееспособности граждан в современных условиях развития общества // *Вестник экономической безопасности*. 2008. № 4. С. 132 – 134.
4. **Жигарев Е. С.** Грех и зло как основа обусловленности криминального поведения // *Вестник Московского университета МВД России*. 2022. № 3. С. 76 – 83.
5. **Маринова Т. Ю., Зарецкая О. В.** Социально-психологические аспекты зависимости от компьютерных многопользовательских ролевых онлайн-игр // *Социальная психология и общество*. 2015. Т. 6, № 3. С. 109 – 119.
6. **Остапенко А. В.** Ограничение дееспособности гражданина: медицинский аспект // *Экономические и гуманитарные исследования регионов*. 2010. № 5. С. 65 – 70.
7. **Прокурова С. В.** Компьютерная и игровая зависимость и профилактическая деятельность по ее преодолению // *Современные проблемы науки и образования*. 2015. № 2-2. С. 566.
8. **Психиатрия:** учеб. пособие / под общ. ред. В. А. Шаповала. СПб.: Изд-во СПб. ун-та МВД России, 2020. 160 с.
9. **Сысоев Ю. В., Лебедев И. Б., Филатова Т. П.** Некоторые аспекты формирования и развития кибернетической лудомании с ее последствиями на психологическом и физиологическом уровне // *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2016. Т. 8, № 4-1. С. 170 – 174.
10. **Томилов А. Ю., Потапов И. В.** Расточительство как основание для ограничения дееспособности лица // *Вестник ЧелГУ*. 2010. № 19. С. 60 – 65.
11. **Фомичева Н. В.** Ограничение гражданина в дееспособности: сравнительно-правовой анализ // *Вестник Саратовской государственной юридической академии*. 2014. № 5(100). С. 57 – 63.

12. **Шаповалова Е. В.** Некоторые психологические, социальные и медицинские аспекты игровой зависимости в рамках судебно-психологической экспертизы // Вестник Камчатской региональной ассоциации «Учебно-научный центр». Гуманитарные науки. 2007. № 2. С. 31 – 37.

References

1. **Gasparov I.G.** [Evil and atheism: ontological and ethical premises of arguments from evil], *Filosofskiy zhurnal* [Philosophical Journal], 2020, vol. 13, no 1, pp. 53-68. (In Russ., abstract in Eng.)

2. **Darenskiy I.D., Akopyan V.S.** [Painful addiction to gambling], *Narkologiya* [Narcology], 2006, vol. 5, no. 5(53), pp. 54-57. (In Russ., abstract in Eng.)

3. **Darchiyeva L.V.** [Grounds for limiting the legal capacity of citizens in modern conditions of development of society], *Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti* [Bulletin of Economic Security], 2008, no. 4, pp. 132-134. (In Russ., abstract in Eng.)

4. **Zhigarev Ye.S.** [Sin and evil as the basis of the conditionality of criminal behavior], *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2022, no. 3, pp. 76-83. (In Russ., abstract in Eng.)

5. **Marinova T.Yu., Zaretskaya O.V.** [Social and psychological aspects of dependence on computer multiplayer online role-playing games], *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo* [Social psychology and society], 2015, vol. 6, no. 3, pp. 109-119. (In Russ., abstract in Eng.)

6. **Ostapenko A.V.** [Restriction of a citizen's legal capacity: medical aspect], *Ekonomicheskiye i gumanitarnyye issledovaniya regionov* [Economic and humanitarian studies of regions], 2010, no. 5, pp. 65-70. (In Russ., abstract in Eng.)

7. **Prokurova S.V.** [Computer and gaming addiction and preventive activities to overcome it], *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern problems of science and education], 2015, no. 2-2, pp. 566. (In Russ., abstract in Eng.)

8. **Shapovalova V.A. (Ed.).** *Psikhiatriya* [Psychiatry], Saint-Petersburg: Izdatel'stvo SPb un-ta MVD Rossii, 2020, 160 p. (In Russ.)

9. **Sysoyev Yu.V., Lebedev I.B., Filatova T.P.** [Some aspects of the formation and development of cybernetic gambling addiction with its consequences at the psychological and physiological level], *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'* [Historical and social-educational thought], 2016, vol. 8, no. 4-1, pp. 170-174. (In Russ., abstract in Eng.)

10. **Tomilov A.Yu., Potapov I.V.** [Wastefulness as a basis for limiting the legal capacity of a person], *Vestnik ChelGU* [Bulletin of ChelSU], 2010, no. 19, pp. 60-65. (In Russ., abstract in Eng.)

11. **Fomicheva N.V.** [Restriction of a citizen's legal capacity: comparative legal analysis], *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii* [Bulletin of the Saratov State Law Academy], 2014, no. 5(100), pp. 57-63. (In Russ., abstract in Eng.)

12. **Shapovalova Ye.V.** [Some psychological, social and medical aspects of gambling addiction within the framework of forensic psychological examination], *Vestnik Kamchatskoy regional'noy assotsiatsii «Uchebno-nauchnyy tsentr»*. *Gumanitarnyye nauki* [Bulletin of the Kamchatka regional association “Educational and Scientific Center”. Humanitarian sciences], 2007, no. 2, pp. 31-37. (In Russ., abstract in Eng.)

Limiting the Legal Capacity of Citizens with Addictions

I. A. Kalinina, *Cand. Sci. (Law)*, Associate Professor,
Department of Civil Law and Process,
Tambov State Technical University, Tambov, Russia;
ia-kalinina@mail.ru

The article examines the legal institution of limiting the legal capacity of a citizen. The analysis of such grounds for limiting the legal capacity of a citizen as addiction to alcoholic beverages, narcotic drugs, and gambling is carried out. The legal, medical and ethical aspects of the legal institution of limiting the legal capacity of a citizen are characterized. The degrees of severity of addictions are revealed – permissibility, abuse, pathology and their legal significance in relation to the restriction of a citizen's legal capacity. The qualitative characteristics of the factors laid down in the legal grounds for limiting the legal capacity of a citizen are presented.

The ways of improving this legal institution are proposed in relation to: the conceptual apparatus, the content of ability to make contracts, the differentiation of legal regulation between civil and family law, and the expansion of the scope of application of the legal institution.

The socio-cultural context of addictions in relation to alcoholic beverages, narcotic drugs, gambling is determined through the concepts of human vices, the implementation of the educational function of law and the application of legal sanctions.

Keywords: limiting citizen's legal capacity; family; abuse; addiction; will; mental disorder; ethics; ability to make contracts.

© И. А. Калинина, 2023

Статья поступила в редакцию 03.12.2023

При цитировании использовать:

Калинина И. А. Ограничение дееспособности гражданина при наличии аддикций // *Право: история и современность*. 2023. Т. 7, № 4. С. 487 – 499. doi: 10.17277/pravo.2023.04.pp.487-499